

Лекция 4

Постараюсь закончить то, что я хотел сказать по поводу принципов, как компонентов метода. Я напомним, что в прошлый раз мы говорили о множественных операциях, которые определяются на неких множествах. Эти операции называются сигнатурой. Тот интересный факт, что нульместные операции на множестве совпадают с самими элементами этого множества, заставляет взглянуть на проблему принципа в составе метода как на проблему конструктивную. Иначе говоря, вообще любой элемент множественной операции, взятый по отдельности, представляет собой задачу на построение. Нульместные операции – это задание элементом самого себя (как строится элемент). Таким образом, ясно, что принцип, если рассматривать его как начало, должен быть некоторым образом замкнут сам на себя. Об этом я скажу несколько дальше.

Когда что-то строят, то материалу придается форма, естественно, связанная с содержанием. Надо сказать, что стандартные диалектические позиции, которые выражаются обычно в тезисе "Всякое содержание оформлено" (имеет форму), как правило, дополняются постулатом: "Всякая форма имеет содержание". И здесь есть некоторая неравнозначность. Ведь, если имеется некоторое содержание, и этому содержанию придается форма, то, если продолжать далее диалектическую конструкцию, вообще говоря, содержанием этой формы не обязательно является это первичное содержание. Здесь возникает такой момент как самостоятельность формы. Форма начинает определять некое свое, собственное содержание, отличное от того, что в нее вначале вкладывалось. Содержание – это очень интересная возможность развития. Допустим, какой-нибудь поэт придумывает выражение. Потом его произведение становится классическим, что означает, что его способ выражения признали классическим. Но потом различные искусствоведы, исполнители или читатели в этом выражении начинают видеть самые разные вещи. И весьма сомнительно, что, скажем, греческий автор имел в виду все современные прочтения его драмы или поэмы, в

особенности в переводах на разные языки. Это вполне естественный пример того, что форма начинает определять содержание, как нечто самостоятельное. Заметим лишь, что все это обязательно происходит во взаимодействии формы с субъектом.

Содержание – это то, что "держится" в форме, то, что форма "держит". Здесь явно выражен внутренний аспект рассматриваемого соотношения "форма-содержание". Во внешнем же отношении форма является тем, на что можно указать. Это интересный момент соединения двух разных плоскостей понимания, позволяющий предметно подойти к формализации.

В сторону замечу, что произведенная мной операция перехода от одного плана понимания к другому представляет специальный интерес. С одной стороны, я сейчас не произнес ничего, кроме как прояснил некое языковое понимание, сформулировал его, зафиксировал. С другой же стороны, я осуществил связь и опосредование разных планов данности формы. Это данность формы посредством указания на нее и данность формы посредством ее осмысления. И произошло это благодаря введению предметно различных планов языкового значения – плана осмысления и плана указания. Эта процедура кажется слишком языковой, чтобы быть предметной. Но по сути она задает "формальную онтологию" (выражение Э.Гуссерля) семиозиса.

Надо сказать, что вообще многие философские положения являются просто категоризациями смысловых структур языка. Бывают такие положения, универсально истинные, аксиоматические. Это положения, относящиеся к структуре понимания в языке. Например, то, что "предпосылки безразличны к существованию того, предпосылками чего они являются" (Э.В.Ильенков). В общем-то, в нем зафиксировано совершенно прозрачное положение дел: если предпосылки начинают рассматриваться как действующие, актуально существующие, то они уже переходят из разряда предпосылок в разряд условий.

Возвращаясь к соотношению формы и содержания, заметим, что "то, что можно указать" – это чисто феноменологическая характеристика "формы". Если я на что-то указываю, то я тем самым

выделяю некоторую форму. Но при этом одновременно я еще и предполагаю ту самую форму, на которую можно указать. Далее, должна осуществиться некая фиксация. Чтобы на что-то указать, это что-то должно быть зафиксировано либо в самой ситуации и ее компонентах, либо, по меньшей мере, самим актом указания. Я вполне могу указать на какой-то кусок окна, который не является его самостоятельной частью, могу очертить половинку окна и тем самым на нее дополнительно указать. До того, как я обратил внимание на половину окна, этой формы в вашем восприятии не было, но вот я указал – и она зафиксирована. Фиксация указанием связана, в частности, с тем, что результату придается некая целостность. Возможность указания на что-то, форма как возможность указания, есть неотъемлемое условие указания – в противном случае у нас нет указания на нечто определенное.

Когда указывают на некое единство, то при этом неотменимо предположение о целостности того, на что указывают. Это может быть как целостность объектная, так и целостность субъектная. Так, указывая на некое здание, мы **непосредственно** не имеем в виду того именно кирпича, в который упирается линия, продолжающая направление нашего указательного пальца. Имеется в виду целостность здания, на которую указать непосредственным физическим образом просто невозможно. Но более показательным, по сути, является пример указания на порядок, наличествующий в том или ином множестве объектов. Собственно, указывают при этом на некое предполагаемое единство. Эта ситуация хорошо знакома всякому ученому или исследователю. О сложности проблемы говорит то, что проблема определения вида или рода в разных науках решается лишь после появления развитой системы средств определения, классификации и верификации, вроде классификатора растений в ботанике. А ведь любая классификация задает не что иное как систему типов предметов, т.е. систему верифицируемых указаний на структуру или строение этих предметов.

В любом случае принцип или основание синтеза содержания в целостном единстве результата становится конструктивным условием возможности акта указания. С этой точки зрения, формализация

является преобразованием субъектного универсума. Формализация – это приобретение субъектом возможности указывать. Объект же при этом становится верифицируемым благодаря тому, что можно уверенно указать именно на него. Например, я формализую какой-то обряд. При этом я выделяю элементы этого обряда благодаря тому, что после их фиксации на них можно указать как на элементы. Замечу также, не развивая далее этой темы, что интуитивно формализацию связывают еще и с логическим бытием, которое иногда принимают за абсолютное бытие в духе Платона, что тоже вполне естественно для понимания.

Однако формализация – это всего лишь методический прием, часть всякого метода. Чтобы в ходе работы с предметом получить реальный результат, формализацию всегда необходимо дополнять содержательным рассмотрением. С другой стороны, формальный метод способен привести лишь к выявлению некоторого инварианта или группы инвариантов. Их выделение может пролить новый свет как на собственно исследуемый предмет, так и на его взаимосвязь с иными предметами. Но самого по себе формального метода никогда недостаточно для реальной или практической интерпретации его результата. Это простое практическое замечание указывает на то, что оформление само по себе не исчерпывает операций, которые необходимо произвести с предметом. Необходимо более явным образом представить, как же изменяется предмет в ходе его исследования и преобразования. Это изменение предмета можно описать в терминах различных типов и статусов существования.

Используя различие статусов существования, следует отметить, что формализация – это переводение формы в ранг самостоятельной сущности. А после того, как она начинает существовать самостоятельно, мы уже начинаем в этой форме находить некое собственное содержание, некие собственные возможности. Скажем, такой пример из области анализа фольклорных сюжетов и жанров. Известно, что есть мотивы, скажем, мифологические. Если я анализирую былины, заговоры и прочие предметы интереса фольклориста и нахожу там мифологический мотив, то что я при этом делаю? Я формализую, выделяю форму или

формулу. А после формализации интерес смещается от собственно былинны к ее мотивам и, далее, к компонентам мотива. Уже речь идет фактически не о данной былинне, заговоре, частушке и т.д., а о некоторой формальной конструкции, которая имеет какие-то соотношения. При этом меняется предмет непосредственного рассмотрения. Существенная проблема, которая вытекает из замены предмета в результате формализации, состоит в следующем. Когда предмет меняется, конституируется как бы заново, как установить связь нового предмета с тем предметом, который был ранее? Но это более сложная проблема, на которую я только указываю.

То, что формализацию надо дополнять содержательным рассмотрением, понятно и, так сказать, чисто по жизни... Но интересно, что есть и строгие научные основания для такого перехода в виде теорем Геделя. Они посвящены тому факту, что ни одна формальная система не полна. Не полна в каком смысле? Приведу описание одной из этих теорем. Если имеется формальная система, в которой можно устанавливать истинностные отношения между элементами, и если эта система включает в себя, по крайней мере, арифметику (т.е. аксиомы арифметики, что, на самом деле, очень мало – практически все формальные системы включают в себя содержание большее, чем арифметика), то в этой системе имеются истинные положения, которые нельзя доказать. Это можно по-другому выразить так: жизнь богаче, чем формула, а жизнь формальной системы богаче формы логического вывода. Такой интересный момент из жизни формальных систем.

Формализация создает новый универсум. А следовательно, набор форм для объектов и правил конструирования, т.е. перехода между ними. При этом модельные миры объекта и его формализация различны. Тут есть хороший математический пример: множественность геометрий. Но это сейчас мы знаем, что геометрия не одна, а раньше была уверенность в том, что она одна-единственная. Объектом тут выступает реальный мир, геометрическая структура которого формализуется различным образом, притом, что разные формализации могут быть представлены в качестве правильных вложений в многообразия с иной формально геометрической

структурой. Отметим в этой связи такой любопытный историко-философский факт. Вся философия Канта, играющая существенную роль в развитии философской мысли, принципиально построена на том, что геометрия одна, а двух разных геометрий быть не может. Это означает, что выводы, которые делаются на основе кантовской концепции, заведомо неполны и т.д. ... Философия Канта повлияла на очень многие философские установки, действующие сегодня, на наше идейное наследие, на сам материал мысли.

Вернемся к типам существования, предполагаемым в формализации. Каждый универсум определяется типом объектов, которые может содержать. Объекты – это сущности, которые могут занимать места в мире благодаря определенным взаимодействиям. Типами взаимодействий и определяются типы мест в универсуме, типы объектов в связях, типы связей, уровни связей, уровни объектов и т.д. и т.п. При этом надо четко различать такие статусы существования, как логически возможные и конструктивно реальные в настоящем множестве. Объект возникает в универсуме, когда проявляется в универсуме. Если же рассматривать чисто логическую возможность существования объекта, то реальный универсум конструирования заменяется на универсум, который связан с (квази)абсолютным субъектом. Но, если все логические возможности уже даны, а это и есть позиция стандартной формальной логики, то тем самым все объекты в этом мире предполагаются (но при этом вовсе не полагаются) как реализованные. Тем самым субъект, смотрящий на мир с логической позиции, пытается занять позицию абсолютного субъекта, который видит мир в принципе, т.е. субъекта, который реализовал уже все возможности в своей конструкции. Однако для каждого реального (человеческого) субъекта реализовать всю полноту возможностей вывода нереально. Поэтому позиция логического субъекта, предполагающая актуальность возможных выводов, есть конструкция идеализирующей абстракции. Она осуществляется путем перевода абстракции "субъектной позиции" в идеализацию "субъекта вообще".

В частных случаях, когда есть ограниченные формальные конструкции, мы не выходим за пределы того, что предметно

допустимо, и остаемся в рамках логически определенных возможностей. Но в общем случае не существует универсальной логической предметной области. Это – строгий факт, вроде теоремы Геделя о неполноте формальной теории. Почему не существует универсальной логической предметной области? По многим разным причинам. Для нас наиболее важное значение имеет то, что, когда какие-либо объекты определяются, то эта определенность может рассматриваться формально и реально. Развивающаяся научная мысль на протяжении всей истории естествознания несет внутри себя различие между детерминацией и дефиницией. Это различие явно проводили схоласты, а именно: детерминация – это реальное определение, дефиниция – это логическое определение. Оказывается, что, если принять во внимание те способы преобразования, которые лежат в основе создания объектов, те самые нульместные операции, которые задают элементы, то эти нульместные операции связаны не с множеством элементов, а с категориями элементов. Это довольно сложное различие, которое я просто фиксирую и не буду его дальше развивать. Оно связано с категориями элементов, в частности, с тем, что множества элементов заранее не заданы. Множества, с предметной точки зрения, всегда реализуются благодаря некоторому взаимодействию, благодаря некоторому реальному присутствию универсума. Я вполне могу объединять вишню и мясо, как красные, сочные, съедобные предметы, но в реальном мире множество, в которое входят вишня и мясо, оказывается практически очень малозначимым. Универсумы, таким образом, являются некоторыми реальными объединениями совокупностей объектов. Способы их соединения в нечто единое оказываются связями, изнутри определяющими ограничения как на существование предметов, так и на способы связи предметов. В частности, ограничения на способы возникновения множеств. Поэтому структура мира есть структура постоянного умножения объектов в мире. Миры в своем реальном существовании постоянно определяются и переопределяются.

Теперь вернемся к связи между принципами и формами. Принцип связан с формами, в частности, в том смысле, что он связан с некоторыми результатами того, что делается принципиально, с

использованием принципа(ов). Но одновременно принцип выражает особую форму существования знаний. Принцип накладывается на знания, которые находятся в поле притяжения принципа, и возникает некоторое упорядочение знаний. По этому поводу я хотел привести такое суждение Канта, которое, в общем-то, относится к принципиальной функции идеи. Кант писал: "Идея нуждается для своего осуществления в схеме, то есть априори, определенном из принципа цели существенном многообразии и порядке частей. Схема, очерченная несогласно идее, ...дает техническое единство, наоборот, схема, возникающая лишь вследствие идеи..., обосновывает архитектурное единство". Развивая эту мысль о принципиальной функции, которую выполняет идея, можно сказать, что в синтезе материала мысли идея идет далее простого наличия эмпирических и теоретических данных. Идея доводит этот материал до логической и предметной завершенности, проецирует, достраивает сущее до должного (или настраивает сущее на должное). Идея не просто фиксирует действительность, а еще и полагает способ взаимодействия с этой действительностью, способ ее изменения. В этой функции идея как раз и становится синонимом метода преобразования действительности. Тут непосредственно имеется в виду преобразование теоретической действительности. Оно возможно благодаря тому, что идея выступает в функциональной роли принципа.

У принципа имеются две функции: прескриптивная и дескриптивная. В контексте языкового понимания возможности конструирования можно сказать, что прескриптивная функция – это рематизация, а дескриптивная – это тематизация. Но только здесь рематизация и тематизация понимаются несколько более общо. Обычно, когда говорят "рема" и "тема", то речь идет об актуальном членении предложения. Вообще говоря, когда речь идет о создании некой системы знаний, то там тоже имеется отношение, подобное отношению ремы и темы, но оно не заключено в предложении, а связано с тем, что имеются разные уровни тех единств, на которые нацелены принципы. Это единства, лежащие на более высоких уровнях организации и интеграции, чем словесный. Я говорил о них,

касаясь структуры языка: единства на уровне межфразовом, на уровне выделения абзацев, на уровне выделения частей, глав и так далее. Это, с одной стороны, чисто формальные единства, касающиеся непосредственно формы выражения. А, с другой стороны, имеются более существенные для содержания системы знаний единства, которые оказываются сквозь-фразовыми, сквозь-абзацевыми, сквозь-тематическими, контекстными, гипертекстовыми и т.д. Простейшим примером такого единства является силлогизм, т.е. некоторое рассуждение. Рассуждение, вообще говоря, может включать в себя элементы, которые в тексте находятся в самых разных местах, и потом по совокупности делаются некоторые выводы. То есть логические связи – поскольку они связаны с "системой указаний на материальную структуру" – постольку оказываются формой, которая напрямую не зависит от непосредственной формы выражения материала. Это, естественно, ставит перед методологией ряд новых задач, в частности, задачи, вытекающие из образования и преобразования тех единств, которые мы выделяем в тексте и в предмете.

В чем суть проблемы? Вообще говоря, обычно в методологиях этот момент почему-то не акцентируется. Суть проблемы заключается в том, что методология всегда связана с задачей двойкой: одна задача – это получить знания, другая задача – это выразить знания. Соответственно, есть методы изложения и методы исследования. В принципе, методы изложения и методы исследования направлены на разные предметы. Одно дело, когда предмет уже известен, и надо изложить знания о нем. Здесь задачей является изложить знание таким образом, чтобы оно было воспринято, притом, чтобы оно было адекватно выражено. А в случае, когда знание отсутствует, основной задачей является добавление к имеющимся знаниям некоторого совместимого с ними знания, которое выражает именно данный предмет. И поэтому получается такая парадоксальная ситуация, с которой знакомы, в общем-то, все естествоиспытатели: в реальной полевой практике они пользуются одними методами, принципами, средствами и т.д. (я думаю, что именно здесь помещаются проблемы вроде "лабораторной жизни", "эксперимента" и проч.), а когда доходит дело до написания диссертации, статьи или еще чего-то

исследовательского, то нужно использовать, по сути, другие средства. Это – кардинальное различие между методами, непосредственно выражающее различные типы существования соответствующих знаний. Ведь знание о предмете вроде бы одно и то же, но различаются тип его существования как непосредственно включенного в некое знание и тип его существования как самостоятельно изложенного знания.

Этот пример показывает, как одно и то же объектное содержание может иметь разные типы существования и, соответственно, входить в разные миры. Мир определяется именно тем, что и как в нем существует, взаимодействием. Взаимодействие знания с незнанием и познанием – иное, нежели взаимодействие его с другими знаниями внутри уже готового знания. Кант определял науку как систему познания, упорядоченную согласно принципам. Во-первых, Кант ввел различие предметных и объектных миров, но он ввел его негативным образом, отрицательно. Во-вторых, до Канта система знаний о мире строилась, исходя из того, что есть некое знание о мире и нужно его упорядоченно изложить. То есть фактически речь шла о том, что, ориентируясь на уже известную модель мира, нужно упорядочить в ней наши знания. Кант же, по-моему, впервые систематически поставил вопрос о том, что нужно, вообще говоря, иметь специальные средства и методы для того, чтобы получить модель мира.

Модель мира – это производная. Соответственно, модель описаний предметов – тоже производная. В чем это проявляется в отношении принципов, о которых я сегодня говорил? В частности, в том, что принцип может корректировать знания. Я получаю какое-то знание. Принцип может участвовать как в получении этого знания, так и в коррекции формы этого знания. Например, я получаю знание о психике человека. Я знаю, что он на какие-то воздействия реагирует, к примеру, смеется в ответ на что-то. То, над чем смеется человек, очень характеризует его, как и то, над чем он молчит. Я могу получить некоторый набор соотношений между тем, что я ему сказал, и тем, над чем он смеялся. Говорят, что дурак смеется трижды: один раз раньше всех, второй раз вместе со всеми, а третий раз, когда

понимает. То, над чем смеется человек, можно зафиксировать и искать за его реакциями общее начало: что общего в смешавших его ситуациях, что может быть связано со складом его психики, какова его внутренняя структура, отвечающая за смех. Тем самым я фактически преобразую форму своего знания. У меня имеется некий набор впечатлений, из которых получается нечто новое – единство этих впечатлений. Надо сказать, что большей частью такие типичные единства выявляются очень сложно. Прежде всего, потому, что очень сложная задача – правильно назвать. Как говорил Хайдеггер, это и есть дело поэтов в эпоху между ушедшими и еще не пришедшими богами – назвать все в мире. Ведь, когда боги уже пришли, то ничего называть не надо, все вещи уже установлены. А если боги еще не пришли, то мир находится в состоянии некоего хаоса, соответственно, возникает задача уметь определять типичные определенности этого хаоса, называть становящиеся в перспективе его завершения. Это одна из типичных ситуаций полевого исследования.

Принципы обычно постулируются. Допустим, человек фиксирует какую-то существенную определенность и говорит: "Это – мой принцип" Что здесь подразумевается? Прежде всего, некая регуляция. Коррекция знания – это один из типов такой регуляции. Принцип в повседневном смысле – это просто некая регулировка поведения. Это выражается в том, что если у меня какие-то принципы, и я им следую, то я делаю то-то и не делаю того-то. А почему? – Принцип! Говорят, кстати, что хорошие привычки лучше хороших принципов.

Далее, принципы делают поведение устойчивым. Когда они регулируют поведение, оно обретает внутреннюю определенность и становится вполне самостоятельным. А если поведение беспринципно, то это и означает, что в нем нет внутренней определенности, оно не регулируется. При том, что принцип является, так сказать, "долговременной" регуляцией, он должен быть еще и сознаваемым (или осознаваемым). Рефлекторное или инстинктивное поведение нельзя назвать "принципиальным", разве что только в иносказательном смысле. Если некий регулятор поведения не выступает как сознаваемый (или осознаваемый), то он действует в

составе поведения не как принцип этого поведения, а как его условие. Например, поведение человека в физическом мире вполне регулируется наличием силы тяжести. Но, пока я не сформулировал своего отношения к этой силе, она не входит в структуру моего поведения как принцип именно моего поведения.

Принцип часто понимают как устойчивое знание. Причем есть позиция, выраженная вполне авторитетным некогда товарищем Энгельсом. Он указал, что принцип – это не исходный пункт исследования, а, напротив, заключительный результат исследования. О чем тут идет речь? Вообще-то, о принципе построения знаний. Не о принципе, которым сознание руководствуется в исследовании, а о построении уже созданных знаний. Заметим, что после того, как путь познания пройден и полученные результаты изложены, принципы построения знаний, если они явно сформулированы, всегда описывают достигнутую цель исследования. Однако не всегда эти принципы бывают сформулированы. Анализируя проведенное исследование, можно обнаружить, что в нем применялись какие-то принципы. С другой стороны, обычно исследователь сознательно принимает некие принципы, что все же не гарантирует их действительного применения – в своих реальных действиях он может неосознанно руководствоваться иными принципами. Поэтому итоговые принципы, на которых строится здание нового знания, можно действительно выделить лишь после получения результата исследования. Уже выделенные принципы могут далее стать материалом для новых исследовательских действий, которые, впрочем, не обязаны полностью к ним сводиться. Так, если я когда-то проводил исследование и в нем оказались наличны некие принципы, а также если я их сформулировал, то в новом исследовании они могут выступать в качестве исходных пунктов, на которые в дальнейшем сознательно ориентируются. Примером такого сознательного полагания начал в случае научных теорий являются законы или же инварианты.

Принцип одновременно фиксирует достижение типичного промежуточного результата и перестройку, т.е. переход к иному уровню конституирования теории. Именно этой двойственной

функциональностью определяется значение принципа как для (в малом) построения теории, так и (в большом) для движения метода.

Принципы, когда речь идет о теориях, носят характер чего-то абстрактного и формального. Но **большинство людей не привыкли иметь дело с абстракциями высокого уровня**. А принцип в чистом виде выделяется на весьма высоком уровне абстракции, т.е. отвлечения от конкретной ситуации. Сделаем набросок основных уровней, характерных для выделения принципов. Напомню, что под "уровнем" мы понимаем группу структурных отношений. В частности, уровни могут быть не строго (вполне) упорядочены. В интересующем нас аспекте это значит, что каждый из них находится с исходной повседневной реальностью в отношении "быть более абстрактным, чем", притом, что последующие уровни абстракции могут быть не сопоставимы друг с другом по этому же отношению.

Первый уровень абстракции – это когда в поведении/действии выделяются реализуемые в данной ситуации возможности. Из них некоторые возможности соответствуют предмету, а некоторые – нет, поскольку выводят за пределы предмета. Простейший и одновременно знаменитый пример таких возможностей являют возможности разрушения предмета в случае исследования логического мышления у "примитивных" народов. Исследователь говорит респонденту – "а) За северным полярным кругом водятся белые медведи. б) Таймыр находится за северным полярным кругом. в) Водятся ли на Таймыре белые медведи?" Типичный ответ на так поставленный вопрос: "не знаю, я там не был". Такой ответ по сути именно разрушает предмет, который имеет в виду исследователь – абстрактные логические формы проведения рассуждений. Дело, в частности, в том, что логика на дотеоретической стадии всегда имеет дело с суждениями с экзистенциальными предпосылками, каковых предпосылок у респондента по отношению к положению дел на Таймыре попросту нет. И возможности, реализуемые респондентом, выходят за рамки возможностей рассуждения, подразумеваемых исследователем. При этом разрушается тот предмет, который имеет в виду исследователь.

Второй уровень отвлечения от конкретной ситуации возникает при логическом пополнении и замыкании множества рассматриваемых возможностей. Этот хорошо известный теоретический уровень имеет содержанием, в частности, формализацию действия путем типизации предмета. К этому уровню переходят, когда от индивидов переходят к элементам и классам. Однако наличие этого уровня недостаточно для существования принципов, поскольку реализация всех возможностей в множестве возможных миров соответствует отсутствию принципа с предметным содержанием. Это последнее замечание дает нам новый импульс к рассмотрению иных уровней абстракции.

Реальное ограничение возможностей, опирающееся на понимание или "чувство" предметной области – еще один уровень абстракции, на котором логический предмет редуцируется до абстрактно-реального предмета. От абстрактного логического замыкания этот уровень отличается тем, что в нем рассмотрение сужается до ограничения ситуации рамками реально сконструированного примера, задачи и т.п. Здесь происходит ограничение множества абстрактных возможностей кругом тех возможностей, которые имеют отношение к предмету, или, иначе, предметную интерпретацию. От реального предмета эти конструкции отличаются тем, что представляют его особенности, не будучи реализованными в материале исходной ситуации. Это те "критически рациональные" реальности, которые имел в виду Г. Башляр. Для исследователя они выступают, в частности, в виде "образа потребного будущего" его исследования.

Дальнейшая проекция получаемого абстрактно-реального предмета на исходную ситуацию, пока теоретические возможности все еще не реализованы – следующий особый уровень становления принципа в поле исследования. На этом уровне уже есть выбор возможностей действия, и, соответственно, типичных результатов. Конкретным примером такого выбора может служить выделение вариаций в структурном изучении фонем.

Формулируется же принцип не менее чем на пятом (по нашему неполному и схематическому счету) уровне мыслительных

конструкций. Этот уровень может возникнуть не ранее, чем будет произведен ряд однотипных выборов с однотипными основаниями выбора. Принцип формулируется не как единичный реализованный выбор, а как основание произведенного, или возможного, или ожидаемого выбора из этих "реальных" возможностей.

Приведенная конструкция несколько спрямляет процедуру фиксации принципа, в которой реально присутствуют также возвратные и сквозные переходы между указанными уровнями исследования, равно как и побочные и промежуточные варианты данностей исследователя. Я привел ее, чтобы проиллюстрировать сложность выделения собственной предметной области принципов.

Вернемся к абстрактности принципов. Что значит, что люди "не привыкли" иметь дела с абстракциями высокого уровня? Гегель в статье "Кто мыслит абстрактно?" указывал, что абстрактно мыслят как раз простые люди в своей повседневной жизни. Ведь абстракция непосредственно означает отвлечение от чего-либо. Скажем, человека, наступившего вам в метро на ногу, вы не воспринимаете в связи с его тонкой душевной организацией, с его тонкими рассуждениями о поэзии Рильке, либо в контексте его неприятностей на работе или в семье – вы обычно об этом ничего не знаете. Человек, наступивший вам на ногу, для вас неконкретен. То, что он хороший семьянин, или то, что детство у него тяжелое, или его только что смертельно обидели, или что-либо еще, оправдывающее его невнимательность, – все это снимается вашим возгласом, идущим из глубины естества – вот грубиян (хам, сволочь и проч.)!

Вопрос: Разве это абстрактно?

Ответ: Да. Это отношение к человеку, основанное на его частном взаимодействии с вами. Вы учитываете в этой схематической, но возможной ситуации явление человека в одном-единственном отношении. Это же абстракция от многообразия его конкретной жизни. Гегель приводил пример торговки на рынке, которая в ответ на справедливое, вероятно, замечание о тухлости ее пирожков, начинает производить тексты вроде: "Это у меня пирожки тухлые? Да ты сам такой-то, и мать твоя – такая-то..." И так далее. Но ведь связь между тухлостью пирожков, с одной стороны, и социальным и моральным

уродством человека, заподозрившего в них эту характеристику, с другой, представляет собой чистейшей воды абстракцию. А именно, здесь присутствует абстракция связи через отождествление, при отождествлении негодных качеств пирожков и негодных качеств человека, утверждающего негодность указанных пирожков.

Мы до сих пор говорили о соотношении абстрактного и конкретного в общем смысле. Однако абстрактность и формальность принципов имеют иную природу в сравнении с абстрактностью и формальностью иных предметов, обычно входящих в сферу деятельности человека.

В повседневности абстрактные знания наличествуют в контексте всей жизни, и потому особо не выделяются, в частности, вследствие опредмечивающих их конструкций. К примеру, знание точного времени – типичная абстракция, однако абстракция вполне реальная, поскольку ее реализуют многочисленные механизмы как средства проявления (измерения, представления, отсчета) времени. Но если выделен принцип, то его существование, я бы сказал, какое-то будоражащее. Он существует как-то очень ненаглядно, очень недействительно. Скажем, принцип единства, или принцип тождества, или материальности, или системности и т.д. Дело в том, что на принцип можно указать словесно. А предметность слова, не дополненная предметностью, по меньшей мере, действия, воспринимается с трудом.

Что такое "предмет" я, в общем-то, понимаю на обычных примерах вещей, с которыми я имею дело. Но и тут есть неочевидные вещи. Так, я часто говорю о форме чего-либо. Является ли "форма чего-либо" сама по себе предметом? Это уже вопрос, как говорится, философский. А что такое тождество предметов? Для обычного сознания это доступно в еще меньшей мере, чем "собственная" предметность формы. Понимание предметного тождества возникает в результате отвлечения от реальных предметов. И потому принцип тождества как нечто самостоятельное, как то, о чем говорится в отдельности от прочего, являет более сложное сочетание существований и предположений о существовании в сравнении с обычными предметами повседневной жизни. Но у большинства людей

попросту нет средств для работы с более сложными предметами, или же такие средства ими не освоены (вследствие ненужности этого для большинства операций повседневной жизни). Поэтому абстрактность и формальность принципа всегда заменяется на нечто более конкретное. Принципиальные характеристики всегда либо выражаются в чем-то конкретном и доступном большинству людей, либо заменяются более конкретными критериями. Я думаю, что В.И. Ленин, которому никак нельзя отказать в гениальности политической мысли, в свое время именно по этому поводу говорил: чтобы не оказаться перед лицом абстрактных и формальных принципов, нужно учитывать исторически-конкретную обстановку.

В этой связи приведу, на мой взгляд, весьма интересный очерк возможности исследования, изложенный Марксом в процессе критики Прудона. Прудон полагал, что каждый век имел свой принцип: XI век – принцип авторитета, XVIII век – принцип индивидуума. Маркс пишет об этом так: "Переходя от следствия к следствию, мы должны будем сказать, что не принцип создавал историю, а история создавала принцип. Но если... чтобы спасти как принцип, так и историю, мы спросим, почему же данный принцип проявлял себя в XI, XVIII, а не в каком-либо другом веке, то мы неизбежно вынуждены будем исследовать каковы были люди в XI веке, каковы они были в XVIII веке, каковы были в каждом из этих столетий потребности людей, их производительные силы, их способ производства, применявшееся в их производстве сырье, каковы, наконец, были отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования".

Комментируя этот методологически очень содержательный отрывок, замечу, что Маркс вовсе не отрицает того, что, может быть, в XI веке господствует принцип авторитета. Но сам по себе принцип оказывается только некоторым условием построения знаний, а не тем, из чего можно вывести знания. Для вывода знаний, как и для их получения, необходимо конкретное рассмотрение, которое одновременно модифицирует и наше понимание принципа. В частности, я имею в виду и изменение дескриптивной и прескриптивной функций принципа. Тут решающую роль играет то, какая именно предметность тематизируется и рематизируется в

принципе, какие именно ограничения на построение мира вытекают из тех ограничений получаемых результатов, которые данный принцип фиксирует в качестве необходимых. Поэтому реальная методологическая проблема распадается на две: 1) как именно принцип упорядочивает нечто, и 2) как можно получить принципы, относящиеся к избранной предметности.

Соответственно, есть и подчиненный ряд вытекающих проблем. Скажем, что такое "порядок". Порядок связан с рядом. Что же в таком случае означает хорошо понятное слово "ряд"? Скажем, ряд стульев. Чем он отличается от "множества", "набора" или "совокупности" стульев? Это вопрос к аудитории.

Ответы из аудитории: Числом, поскольку в ряду определенное количество стульев, а множество – это бесконечность. Построением.

Хорошо. В этой аудитории есть ряд стульев?

Ответы из аудитории: Да. А еще есть другой ряд стульев.

В этой аудитории, как можно вывести из приведенных выше наблюдений, есть ряды стульев. А почему не являются рядом один стул из начала левого ряда, второй стул из конца правого ряда и тот стул, на котором сижу я сам?

Ответ из аудитории: Ряд – это когда есть нечто общее в постановке стульев.

Действительно, нечто общее в ряду должно быть, причем не всякое общее, а общее какого-то особого вида. Что, по моему мнению, фиксируется при установлении ряда, и тем самым – в порядке? В ряде фиксируется некий способ перехода по последовательным членам этого ряда. Если я вижу некий естественный способ перехода, скажем, когда при переходе к следующему не меняется направление перехода, то это вполне выделяет ряд. При попытке перехода к стулу, стоящему по другую сторону стола, я приложу неестественные для повседневной жизни усилия. Но, скажем, я спрятал бриллианты в стульях, стоящих не в линейном порядке, а сваленных в кучу, причем в первый стул – один бриллиант, во второй – два, и так далее. Эти стулья также образуют ряд. Или завхоз провел инвентаризацию, набивая жестяные ярлыки с номерами на каждый стул. Эта, уже

нарушенная, последовательность также сводит стулья в ряд. Таким образом, возможно брать предметы вполне произвольным способом и делать из них ряды, в частности, в своем представлении. Такая свобода оперирования и сведения в ряды существенна для человеческого мышления, и именно она дает возможность или место для свободы мышления.

Вопрос из аудитории: Тогда получается, что множество адекватно ряду?

Множество – необходимое условие ряда. Но ряд – это не только множество, но и некое добавление к множеству, добавление фиксированного способа последовательного перехода по элементам множества, перебора элементов. Ряд стульев, как и множество стульев, – конструкция, отличающаяся по способу существования от непосредственного наличия стульев. В множество, по сравнению с простым существованием его элементов, добавлено общее, объединяющее его элементы. Ряд, наряду с общим для его элементов, необходимо включает также фиксированный способ перехода от одного элемента к другому.

Порядок же в вырожденном случае может быть, видимо, сведен к какому-либо ряду. Но в обычном, нормальном порядке присутствует, по меньшей мере, два ряда. Порядок возникает на пересечении рядов, как интеграция или синтез принципов упорядочения. Поэтому порядок предполагает возникновение новой реальности – реальности синтеза, отличной от реальностей синтезируемых рядов. Поэтому порядок и более интересен содержательно, чем простое наличие ряда. Для предметного восприятия порядка необходимо учитывать гораздо более сложные и разветвленные связи предметов, подпадающих под этот порядок.

В интересующих нас аспектах реальности и предметности порядок являет непосредственное соединение разноуровневых реальностей с особыми предметами в каждой из реальностей. Данность стула как единичного предмета отличается от данности стула как предмета, находящегося или, напротив, неким способом исключенного из некоего ряда.

Поэтому порядок – это всегда некоторое много- и разноуровневое существование, причем по крайней мере одним из уровней такого существования должен быть уровень возможных действий. Поясню это, так сказать, "от противного". Вы, вероятно, знаете, что такое "бардак"?

Ответ из аудитории: Синоним слова "беспорядок".

Если анализировать словоупотребление, то оказывается, что вообще-то бардак – это не абсолютное отсутствие порядка. Это тоже наличие некоторого порядка, но несанкционированного. То есть с чьей-то точки зрения это – порядок, а с другой – бардак. В понятии бардака, помимо порядка, предположены еще два уровня оценки. Это, во-первых, оценка с точки зрения непосредственного наличия, в которой должна быть характеристика простой совокупности чего-то созданного, что уже предполагает какой-то порядок. И, во-вторых, некая другая по статусу точка зрения, отрицающая эту первую, что установившийся порядок не является порядком. Как говорил Станислав Ежи Лец, "хаос – это порядок, существовавший до творения".

Возвращаясь к рассмотрению принципов мы, таким образом, можем зафиксировать следующее. Принцип:

- реализует прескриптивную функцию,
- реализует дескриптивную функцию, и
- связан с упорядочиванием.

Это все, в частности, означает, что принцип должен выступать некоторым находящимся вне предмета и вне предметного порядка основанием. Он должен быть основанием тематизации сущего, превращением сущего в названное, устойчивое, знакомое и т.д. Но принцип должен выступать также и основанием рематизации сущего, т.е. постановки предметного содержания мысли в позицию дополняющую, относящуюся к чему-то. Эти функции в таком мыслительном образовании как принцип соединены воедино. Свертывая и синтезируя в себе эти функции, принцип определяет разные моменты исследования. Он может быть как началом исследования, так и его поворотным пунктом, и заключительным аккордом.

Одновременно по этим же причинам принцип оказывается в определенном смысле нейтральным по отношению к знанию. Принцип организует **познание**, но непосредственно в содержание **знания** о предмете не входит. Принцип является условием получения предметного знания, но не его воспроизводства. Здесь уместно вспомнить наследие малоизвестного методолога XX века Людвиг Флека. Он еще в 1935 году совершенно обоснованно писал (книга "Возникновение и развитие научного факта", изданная у нас лишь в 1999 году): "даже специальное знание не только растет, но и принципиально меняет свои основания". Сегодня мы могли бы к этому добавить, что знание растет, меняя также и свой предмет, и своего субъекта, и свой соотносительный объект.

Поэтому получается, что результат исследования конституируется благодаря тому, что мы определяем форму внешнего материала, основываясь на некоторых принципах и средствах. Во внешнем материале фиксируются формы, которые частью определены объектно, а частью – субъектно. Принцип, в таком случае, определяет некую основу выбора между типами получаемых результатов.

По месту принципов в исследовании их можно предварительно классифицировать. Прежде всего, принцип может определять начальный пункт исследования. Затем, он также может определять промежуточные пункты конституирования результата в ходе данного направления движения. Наконец, принцип может определять конец исследования, когда в движении исследования надо остановиться.

Можно сделать такое замечание: когда принцип становится, то происходит теоретическое выделение предметности. Это выделение включает объективную и субъективную стороны исследования в некий синтез, т.е. в условия образования новой предметности знания.

Действительно, выявление принципа носит объективный характер с точки зрения онтологической связности предмета. Так, по-моему, можно интерпретировать глубокую идею Б.Спинозы – "мышление о предмете есть способ действия по форме предмета". Ведь принцип как методологический компонент учитывает особенности предмета исследования, чтобы познание было познанием

именно этого предмета. В противном случае познание не будет реальным познанием именно данного предмета.

Но, с другой стороны, принцип часто связывают с непосредственно принимаемым, с ролевым, с тем, что заменяет произвольную волю к действию организованной принципами волей к действию. В этом аспекте принцип вроде бы является чисто субъектной характеристикой, чем-то чисто идеальным, идеальным, так сказать, в квадрате. Действительно, когда обычно речь идет о субъекте и объекте, то материальным считается относящееся к объекту, а идеальным – то, что относится к субъекту. Однако обычно под содержанием субъекта подразумевается его знание. И как бы не остается места для сферы воли субъекта. Ведь знание, конечно же, отличается от воли. Это отличие фиксируется потому, что воля – это некоторая формулировка действия. Воля это некоторое основание действия. Формой ее организации выступает принцип. Поэтому принцип причастен реализации содержания субъекта.

Принципы, таким образом, в конструкцию универсума должны входить в том месте, где осуществляется действие построения этого универсума. Из того, что действие осуществляется, следует, что оно реально есть. Поэтому принцип оказывается, с одной стороны, внеобъектной, с другой – внесубъектной, с третьей же – сверхреальной сущностью. И это хорошо объясняет, почему все так хотят найти принципы. Ну, не то, чтобы именно абсолютно все и хотели. Но есть общее место многих выступлений: "у меня такой принцип(ы)", "давайте определим наши принципы" и т.д. Фактически, когда речь идет о принципах, то дело в нахождении, наряду с категориями, неких онтических условий существования познающего субъекта. Эти условия лежат в основе как онтологии субъекта, так и онтологии представления знаний этим субъектом. Субъект, действуя принципиально, попадает в онтологическую позицию, и тем самым присутствует в представленном мире в качестве условия этого мира. Но субъект одновременно онтически подготавливает универсум значений, подразумеваемых в универсуме представления. И это достаточно четко ощущается и даже выражается в представлениях о неразрывности слова и бытия.

Возвращаясь к проявлению принципов на разных уровнях, по отношению к разным предметам знания, можно сказать, что есть конструктивные, или предметные принципы. Есть также логические, или структурные принципы. Есть еще и принципы отбора, или принципы критериальные.

Для дальнейшего развертывания методологических конструкций необходимо ввести определение языка. На филологическом факультете это выглядит, вероятно, чрезмерно вызывающим. Однако я не уверен, что все присутствующие занимались проблемами машинных языков. А определение Питера Гарвина, пришедшее из этой области, на мой взгляд, достаточно четко констатирует положение дел в различных естественных языках, а также вполне работает при построении машинных моделей языков.

"Язык" – это семиотическая система, обладающая неединичными уровнями построения (синтеза), интеграции и организации. Вкратце комментируя это определение, укажу, что в **построении** (синтезе) языковых выражений есть, по меньшей мере, два уровня: смыслоразличительный и смысловой. **Организация** включает, по меньшей мере, парадигматический и синтагматический уровни. **Интеграция** включает, по меньшей мере, фразовые и межфразовые единства. Эти определения мне нужны для более конкретного рассмотрения способов выражения принципов.

Теперь перейдем к рассмотрению выражения принципов. Проблема состоит в том, что в действительности всегда переходят от принципов построения конструктивного универсума вообще к принципам построения языкового универсума представления как конкретизирующей конструкции. Многочисленные попытки сформулировать принципы, в том числе и в качестве регулятивов, относятся именно к этой сфере существования (= проявления) методологических предметов как элементов методологической рефлексии.

Принципы следует рассматривать как нечто, несущее внутреннюю определенность поведения. Вообще говоря, принципы в таком качестве конституируют не что иное как самоидентичность актов постулирования. То есть, в соответствии с тем определением,

что нульместные операции определяют элементы, – принципы как основание регулярности самого поведения и определяют именно некие акты, входящие в структуру поведения. В частности, такие акты как построение или достижение результата, а в более специфическом случае – высказывания.

Высказывания как акты имеют сложную конструкцию. Это вытекает, прежде всего, из многоуровневого строения языка как семиотической системы. Поэтому естественным образом оказывается, что принципы соподчиняются и видоизменяются. Ведь любая иерархическая система возникает благодаря тому, что есть некая связь – взаимодействие, но связь взаимодействия как раз является переносом структур. Вообще взаимодействие – это как минимум два действия, каждое из которых является переносом структуры. Поэтому единство взаимодействия приводит к тому, что в каждом из взаимодействующих компонентов оказывается структура другого компонента. Но тем самым преобразуется структура мест, в которую должны быть включены определенности "дополнительного" присутствия "относительно внешних" структур – иных в сравнении со структурой исходного объекта. К структуре каждого входящего во взаимодействие объекта, так сказать, "искони" занимающего это место, добавляется структура действий на него других объектов. Поэтому, в частности, те принципы, которые связаны с конституированием или выделением единичных лингвистических образований (скажем, фонем, морфем или слов), видоизменяются благодаря взаимодействию с актами, конституирующими другие единицы. Это иллюстрируется тем фактом, что в языке, с одной стороны, происходит сопряжение смысла, а с другой – "перетекание" смысла по конструкции.

"Перетекание" смысла по конструкции включает в себя как прямой синтез смыслов, при монтаже оказавшихся рядом, так и модификацию актуализированных ранее смыслов, и модификацию новых актуализируемых смыслов, и уход старых смыслов в контекст. Перетекание смысла по конструкции – это именно реализация взаимодействия всех актов осмысления и формирования способа действия. Тем самым это преобразование всех единичных способов

означения. Поэтому вообще-то у слов нет значений. Значения есть у слов только в оторванном рассмотрении, когда создается словарь. В ситуации говорения значения есть не у слов, а у смысловых единиц, которыми могут быть слова, обороты речи и даже вся вообще ситуация высказывания как единая смысловая единица. И здесь благодаря тому, что разные принципы конституирования этого смыслового единства соподчинены, одновременно оказывается возможным реализовать смысловое единство в отношении к некоторой части всей этой конструкции.

Например, мне приводят какое-то длинное рассуждение и спрашивают: "В каком смысле вы это понимаете?" Я же определяю свое отношение фактически не ко всей этой конструкции, а к, так сказать, типичным ее местам, или к некоей переформулировке, которая, по моему мнению, вполне замещает эту конструкцию. Иначе пришлось бы повторять всю начальную конструкцию, без чего, однако, реально обходятся. Я тем самым определяю в качестве актуально осмысленной часть суждения. Если я верно уловил принципиальные особенности конструкции, такое указание на ее структуру принимается моим собеседником с легкостью. Но главное, оба мы должны чувствовать предмет, о котором идет речь, иметь чувство его реальности. Все суждения в этом случае имеют общее типичное содержание – они являются попытками осмысленно освоить и представить некий целостный предмет. Это попытки, реализующиеся благодаря осмысленному представлению локальных предметных определенностей, локальных единиц, высекаемых в этом предмете. Но многие попытки такого целостного представления предмета оказываются неполными и фактически разрозненными.

Вопросы, заданные по окончании лекции, и ответы на них

Вопрос: Скажите, в анализе текста, принципы анализа текста и принципы анализа реакции на текст должны быть различными или они могут совпадать?

Ответ: Возможно, да. Но в зависимости от конкретной обстановки принципы по-разному организуют исследование, предрасполагая к результату.

Вопрос: Изучая текст, можно его повернуть с точки зрения психологии, или с точки зрения филологического изучения языка, или с литературоведческой точки зрения. Здесь полная свобода?

Ответ: Нет, полной свободы нет, потому что некоторые предметные стороны присутствуют. Скажем, текст по геохимии.

Вопрос: А скажите, есть какое-то определение у Вас того, что возникает в тексте, находящемся над текстом, т.е. в метатексте. Положим, информант прочел или исполнил какой-то текст, а потом высказался по поводу того, что он там исполнил. Вот этот текст высказывания – он как бы метатекст. Есть ли у Вас какое-то определение более точное, потому что метатекст – это немножечко не то.

Ответ: Метатекстом в данной ситуации является описание этой ситуации со стороны исследователя. То есть исследователь пишет об информантах: "Это он сказал, а это – добавил". Это метатекст. Что такое вообще "мета"? Метатекст, метатеория и проч. Это некоторые тексты, теории и проч., элементами которых выступают тексты, теории и т.д. В качестве элементов в метатексты входят названия форм текста, теории и т.д. Простейшим примером является некая, скажем базовая, реальность, в которой есть элементы, ее называющие.

Вопрос: Значит, Вы немного раздвигаете ее, потому что в некоторых филологических работах такое высказывание является метатекстом.

Ответ: Может быть метатекстом, имеющим не два, а три уровня.

Вопрос: Т.е. сам текст, то, что он о нем сказал, и то, что мы об этом думаем?

Ответ: Да, конечно. Ведь на самом деле метатекстов же может быть сколько угодно, неограниченное количество.

Вопрос: В чем могут быть принципы изучения вот этого всего? В чем-то совпадать, а в чем-то совершенно не совпадать. Потому что этот третий уровень, положим, может вообще не совпадать, быть, например, литературоведческим.

Ответ: Нет, просто здесь разные предметы. На каждом метауровне свои предметы, свои взаимодействия, по-разному предопределяющие

связи и отношения этих предметов. Одно дело говорить о треугольнике, а другое – о доказательстве теоремы об этом треугольнике, одно – о розе, и другое – о воспевающем ее сонете. В целом такое возможно благодаря опредмечивающей рефлексии.

Вопрос: Значит, вообще не надо строго требовать анализа филологического?

Ответ: Понимаете, здесь не вполне правильный подход. Заведомо никто не вправе Вас ограничивать в анализе. Но если Вы хотите принадлежать к какой-либо школе, быть, по меньшей мере, понятыми, а как максимум – признанными, то необходимо использовать стандартные средства анализа. А результат определяется именно средством. Средством, а не целью. Целью определяется лишь изменение результата – если Вы не достигли своей цели, и потому Вам нужно изменить тот результат, который получился. Здесь также есть, конечно, сложная проблема осознания некоторой полученной конструкции как результата.

А что касается введения предмета в круг рассмотрения путем его названия, и того, какие при этом получаются тексты, то с предметной стороны традиционная лингвистика это не рассматривает – конечно, с поправкой на мое слабое знание этой самой лингвистики. Наверно, поэтому метатекст конструкции требует дополнительных подходов.

Вопрос: Спасибо. У Вас есть термины «рематизация», «тематизация» и синонимы к ним. Этот ряд, он необходим? Эти слова более точно называют?

Ответ: Я думаю, что можно было бы найти какие-то другие слова. Но ведь уже есть термины, которые выражают очень правильно, на мой взгляд, содержание, которое надо фиксировать и высказать. Не пользуясь ими, я могу несколько подрастерять содержание. В моей концепции «тематизация» и «рематизация» обозначают не только позиции в построении предложения, но и позиции в построении вообще любых конструкций.

Вопрос: А могут ли возникнуть новые принципы?

Ответ: Это естественная вещь. Просто надо понимать, о каких принципах речь идет, и что именно участвует в качестве принципа и

т.д. Если у Вас есть исследование и его предмет определен, то либо Вы сводите этот предмет к какому-то уже известному, и новых принципов не появляется. Либо у Вас есть что-то новое, и необходимо должны возникать новые принципы.

Вопрос: Как перечислить все принципы исследования?

Ответ: На деле ни одно исследование не может быть осознано до конца. Хотя бы потому, что существует и действует принцип самостоятельности формы, о котором я говорил. Этот принцип приводит к некоторой формальной фиксации, универсальное значение которой становится понятным лишь потом, уже после того, как возникнет какое-то собственное значение, дополняющее и развивающее это первичное.

Вопрос: Это нормальный процесс творческий?

Ответ: Это часть нормального творческого процесса. Дело в том, что исследование всегда имеет много результатов и одним из результатов исследования, в частности, является воспроизведение старых результатов. Тем самым формирование принципов является не простым их производством, а воспроизводством. Ведь формирование принципов непосредственно относится к отождествлению предметной области. Но я не хотел бы здесь, в по необходимости кратком рассмотрении структуры метода, затрагивать проблематику его воспроизводства, которая включает особые, очень глубокие и сложные вопросы. Во всяком случае, проблематика воспроизводства сложнее, чем проблематика простого полагания, так как включает не только полагание объектов (и соответствующее их предположение), но и полагание мира (вкупе с соответствующим предположением).